

Как я получал Green card

(поездка в Америку 12 – 20 февраля 1998 г.)

12 февраля 1998 г., Шереметьево. Летим в Америку. Ненадолго – обратные билеты на 20 февраля. Летим получать мою green card. Это уже долгая история – наших отношений с INS, Immigration and Naturalization Service.

Предыстория

Собираясь больше года назад в Америку, мы думали, где нам лучше пожениться, в Москве или в Америке. Лучше – именно с точки зрения получения green card. Барбара даже советовалась со своим приятелем Фредом Шультенем, начальником «иностранного отдела» ее университета (это я, конечно, «по-советски» так называю этот отдел, тут это не отделение КГБ, совсем наоборот, их задача – опекать иностранных студентов). Так вот Фред сказал – только в Америке. У нас тогда был грант на мою поездку в университет к Барбаре, на полгода, и я ехал по соответствующей визе. И если бы мы поженились еще в Москве, то мне бы эту визу в Америку не дали.

Дело в том, что если вы женаты на американке (замужем за американцем – тут, конечно, полная симметрия), то единственный для вас способ поехать в Америку – оформить green card в американском посольстве в Москве. А это может занять очень много времени.

Меня это уже тогда сильно раздражило. Как? Почему? Ведь green card – это вид на жительство. А может я вовсе в Америке жить не собираюсь, а хочу только приезжать туда иногда, раз уж женился. Оказывается, такого не предусмотрено.

У этой INS основная пресуппозиция – что каждый человек мечтает жить в Америке. Некоторым – избранным – это позволяют. Т.е. оказывают тебе огромное благодеяние. И если оно тебе «положено», раз уж ты умудрился жениться, то чего тебе еще надо – странно думать о каких-то еще вариантах.

Но вернусь к нашей беседе с Фредом. В Америке, сказал он, вам надо пожениться не сразу, а месяца через три. А то вас могут обвинить в обмане иммиграционных властей – что грант и соответствующая виза были для вас лишь предлогом, чтобы сюда приехать. Но уж после свадьбы надо сразу подавать документы на green card. И так как ваш случай бесспорный, то месяца через два вам назначат интервью.

Следуя этому совету, мы поженились 13 апреля и через несколько дней поехали в Бостон – подавать документы на green card.

15.20. Нас вовремя, т.е. часа два назад запустили в самолет, но он только что начал двигаться. Как нам объяснил пилот, были какие-то mechanical problems, какая-то лампочка горела, показывала – что-то не то. Они вроде бы даже не очень поняли, в чем дело, но решили все же лететь, только несколько иным маршрутом, на который нужно больше времени и топлива. Почему-то тогда можно было не пугаться этой лампочки. Самолет дозаварили и мы вот уже летим. Почему-то пока очень низко – может быть пилот думает, не вернуться ли?

Не вернулся. Переписывая этот текст на компьютере и «забегая вперед», скажу, что летели мы действительно не совсем обычно – вначале над Балтийским морем,

потом над Швецией и только после этого полетели на север, на Гренландию, как обычно. И в результате прилетели почти на четыре часа позже, чем по расписанию. Но вернусь к green-card-story.

Green card

Теперь, в общем-то, все знают, что такое green card. Наверное, на русский это надо переводить, как «вид на жительство». По американской терминологии, получив green card, вы становитесь *резидентом* США. Это значит, что вы получаете право там жить, работать, въезжать без визы (и выезжать, естественно, но это право у вас есть и без green card, американцы несравненно меньше озабочены тем, кто из Америки выезжает, чем тем, кто въезжает), и кое-что еще. Вместе с правами и обязанности. Например, платить налоги со всех своих доходов, как американских, так и «заграничных».

Зачем green card нужна мне? Ну, очевидно, что нужна. Мы с Барбарой хотели бы жить «серединка-наполовинку», то здесь, то там. И хотелось бы иметь право жить и работать в обеих странах, безо всяких ограничений (и, конечно, ездить свободно туда-сюда). Но, оказывается, что и green card такой свободы не предусматривает (об этом позже). А российских законов на этот счет я еще не знаю. И хорошо бы и для Барбары иметь какой-то законный статус в России, чтобы не оформлять каждый раз визу и т.п. (до сих пор Барбара ездила сюда только по приглашению университетов). Хотя наше положение в силу специфичности наших стран несимметрично. И мы далеко не все еще знаем, как такую «половинчатую» жизнь лучше организовать юридически.

Получить green card нелегко. Есть квоты на каждую страну, вызванные этими квотами очереди. И, естественно, разного рода ограничения. Я не знаю всех правил. Обычно люди, уже работающие в Америке (или просто живущие каким-нибудь легальным образом), получают green card не раньше, чем года через два после того, как подадут заявление. За год выдается около миллиона этих самых карт.

В моем (нашем) случае – вроде бы все автоматически и, как написано в книжке, без очереди (есть, конечно, и на эту тему книжка – «Как получить green card» – и, наверное, не одна). Но «без очереди» – это вовсе не значит немедленно, а значит, что не нужно уместаться в квоту, становиться в очередь, определяемую этой квотой. Нужно всего лишь подать документы и ждать, пока их проверят, после этой проверки вызовут на интервью, где уже окончательно решат, что ты действительно «соответствуешь» и имеешь право на это великое благо.

А документов нужно сдать кучу и я всего уже не помню.

Прежде всего – громадная анкета-заявление, где ты все про себя сообщаем и, главное, подтверждаешь, что «не был» и «не состоял», т.е.:

- не совершал преступлений и не сидел за это;
- не занимался терроризмом;
- не был членом коммунистической (национал-социалистической) партии или связанных с ними (affiliated) организаций.

Нужно указать также, служил ли в армии и состоял ли в каких-нибудь политических организациях.

Мы долго думали, как отвечать на два последние вопроса. В коммунистической (и национал-социалистической) партии я, слава Богу, не состоял. Но был в комсомоле. А комсомол уж, конечно, связанная с партией организация. В то же время ясно, что это – две большие разницы, быть в партии или только в комсомоле. А членов коммунистической партии в Америку пускать не любят. Мы по этому поводу советовались со знакомыми. И даже с адвокатом. Не специально ходили, конечно, адвокатша оформляла нам совсем другие бумаги, не относящиеся к green card, но заодно и об этом спросили. И интересно, что она посоветовала нам про комсомол ничего не писать. Но мы решили все же не врать и упомянуть комсомол в ответе на второй вопрос – в каких организациях я состоял, а на первый – был ли в партии – ответить «нет».

Кроме анкеты нужно представить:

- копии паспорта, визы и другие документы о том, как я въехал в Америку, так как заявление мое – это просьба о смене моего статуса в США;

- все документы о (прошлом) семейном положении и метрику (можно копии) с переводами, сделанными квалифицированными переводчиками (они подписывают перевод и указывают свою квалификацию);

- специальную медицинскую справку, выдаваемую уполномоченным на то учреждением – что у вас нет СПИДа, сифилиса, туберкулеза и, может быть, чего-нибудь еще (справку это учреждение должно выдать в запечатанном конверте);

- отпечатки пальцев (тоже сделанные в уполномоченном на то учреждении);

- паспортного типа фотографии;

- набор документов о Барбаре (т.е. об «американской стороне»), прежде всего документы о ее работе и доходах; смысл их в том, что она имеет возможность меня содержать, что я не буду обузой для государства, оно меня содержать не собирается и хочет иметь гарантии;

- и что-то еще, всего мы, кажется, сдавали больше двух десятков разных бумаг, в частности, их перепись.

В общем, документов куча и мы потратили массу времени, добывая одни и заполняя другие. Заполняла все, конечно, Барбара, мне бы это было трудно. Умение заполнять анкеты – одна из тысячи вещей, которым за границей приходится учиться заново. Многие люди нанимают адвоката, который помогает заполнять документы, а потом приходит вместе с ними в INS, подавать документы.. Или сдают эти документы по многу раз.

Документы сдают в региональное отделение INS. Мы ездили в Бостон – столицу родного штата. INS, как следует из ее названия, как раз и занимается иммиграцией и натурализацией. А главное, тем чтобы никто в Америку незаконно не въехал и, опять же, незаконно не проживал.

Это очень серьезная организация. Про нее рассказывают всякие страсти и мы сами читали в газетах разные жуткие истории. Прежде всего, как я уже писал, основная предпосылка для этого учреждения, что жить в Америке – это великое благо. И каждый человек – не американец – мечтает об этом и стремится к этому изо всех сил. И готов добиваться этого всеми средствами, законными и незаконными. И все незаконные попытки надо распознавать и пресекать.

Ясно, что это мнение не лишено оснований – масса людей стремится к этому, и существенная часть из них готова не считаться с правилами. Так, например, десятки, если не сотни тысяч мексиканцев каждый год незаконно пересекают границу или незаконно остаются в Америке. Когда Барбара жила в Лос-Анджелесе и дети были маленькими, у нее была няня-мексиканка. Она въехала когда-то по самой простой визе – на 72 часа. Но жила в Америке несколько лет, копила деньги. Барбара платила ей несколько меньше, чем полагается по ставкам минимальной зарплаты – нанять легально американскую няню и платить ей, как положено, она не могла себе позволить. А мексиканка была «дешевой рабочей силой». Но все были довольны. Мексиканка зарабатывала очень прилично по мексиканским меркам, жила у Барбары на всем готовом и копила деньги. А Барбара могла работать, дети были под присмотром.

А так как в Америке нет ни прописки, ни внутренних паспортов, а полиция не останавливает на улице «лиц мексиканской и других национальностей»¹, то задача INS – следить за тем, чтобы никто иммиграционных законов не нарушал – почти непосильная.

И немало советских людей этим пользовалось и обосновалось тут, не всегда и не во всем соблюдая правила. Да и про себя я уже писал – мы сами подстраивались под эти правила и слегка лукавили, приехав сюда неженатыми и женившись уже тут. Хотя грант у нас был настоящий, мы на самом деле делали эту работу, и женились мы в самом деле.

Надо сказать, что это подстраивание к INS, отношение даже многих американцев к этому ведомству, аналогичное отношению советских людей к советскому учреждению, в значительной мере вызвано стилем работы INS. Борясь со всеми нарушениями, INS ведет себя со своими «клиентами» довольно бесцеремонно. «Клиенты» называются *aliens* – официальный термин для "не граждан". Наверное, самый точный перевод – *чужестранцы*, прилагательное *alien* – *чуждый*. Барбара каждый раз, когда натыкалась в анкетах или в других документах это слово – обращенное в данном случае ко мне – слегка вздрагивала и как бы извинялась передо мной за INS, для нее я не был *alien*. Так вот INS рассматривает всех *aliens* как потенциальных нарушителей закона и людей, заведомо не обладающих правами американцев и поэтому не могущих оспаривать решения какого-нибудь клерка этого ведомства где-нибудь *вне этого ведомства*. Права человека существуют только для тех, кто уже признан человеком, а права *aliens* должны уважаться только в тех *иностранных* государствах, откуда эти *aliens* прибыли.

Суть дела, наверное, в том, что INS, ведя, как и полиция, борьбу с нарушениями закона, в отличие от полиции, гораздо более бесконтрольна. Если полиция допустит какое-нибудь нарушение, то адвокаты в суде сразу же этим воспользуются, а журналисты поднимут шум. А INS имеет дело с людьми, которые как бы вне американской системы. К тому же масса американцев раздражена нелегальной иммиграцией, *aliens*, чужими, которые хотят задарма воспользоваться

¹ Барбара говорит, что иногда-таки и в Америке что-то в этом роде бывает. Как-то в Лос-Анджелесе ее мексиканская няня была испугана – на улице задержали ее знакомого-«нелегала». И она какое-то время боялась выходить из дома.

американскими благами. Но сравнительная бесконтрольность INS даром (для нее) не проходит. Когда клерки сами, не слишком опасаясь «вневедомственного» контроля, решают судьбы людей, они иногда ведут себя не слишком цивилизованно.

Для примера – одна история из газет (статья известного журналиста). Года три назад одна немка приехала в Америку как туристка. Познакомилась с американцем. Начался роман. Ездили друг к другу много раз, решили пожениться. Приехала к нему, поженились, подали на green card для нее. Через какое-то время решили съездить в Германию, к ее родителям. Позвонили в INS – можно ли. По правилам, до получения green card без особого разрешения покидать Америку не полагается. Но то ли они этого не поняли, то ли не поверили – уехали. А когда вернулись, в аэропорту ей сказали, что она «нарушила», и велели явиться в местное отделение INS (дело было в Нью-Орлеане). Они туда пришли, ее позвали в какой-то кабинет, а он остался в коридоре. Ждет – ее нет. Он стал спрашивать – где моя жена? Ему отвечают – в тюрьме, нарушила закон. Провела она там с неделю в компании проституток и наркоманок, после чего ее посадили самолет, приковав к креслу наручниками, и отправили в Германию. И даже встретиться им разрешили только перед самой этой отправкой, когда он, конечно, адвоката нашел, скандалил, как мог. И она, повторяю, была вполне благополучная немка, не мексиканка какая-нибудь и не китаянка, с теми вообще не слишком церемонятся, чаще всего никто и не знает, как с ними обходятся.

Надо сказать, что психологически я относился к этому ведомству гораздо спокойнее, чем Барбара. Она рассказывала мне о разного рода «случаях», с которыми она сама сталкивалась, когда заведовала своим Department'ом – разных проблемах с иностранными аспирантами или преподавателями. Один раз, прося за кого-то, она даже к своему сенатору обращалась. Много раз ей этот самый Фред Шультон помогал, так она с ним и познакомилась. И сейчас, когда ей самой надо было иметь дело с этим ведомством *для себя*, а не помогая другим, она нервничала и ждала всяких неприятностей.

Но по отношению к себе мы, по крайней мере до сих пор, никаких некорректностей не ощутили. Разве что тянулось все это очень долго и требовало массы времени и энергии. Но по порядку.

Подача заявления

Через несколько дней после свадьбы, мы приехали в Бостон, в региональное отделение INS. Громадный зал на первом этаже громадного административного здания. У входа сидит клерк, к нему всегда очередь человек в двадцать. Он быстро просматривает ваши документы, относит вас к той или иной категории (люди приходят по разному поводу) и дает вам номер. Вы проходите в зал. Там стулья рядами, как в кинотеатре, только впереди, вместо экрана, невысокая стенка с окошечками, как в банке. За окошечками – клерки, открыто 6-7 окошечек. Они тоже по категориям. Категорий всего четыре. А на стене – табло, там четыре секции и в каждой секции – очередной номер данной категории и номер окошечка, к которому человек с этим номером должен идти. В зале сидит человек сто, а то и больше. Ждут, пока на табло загорится их номер – очередь подошла.

Мы ждали минут сорок. Но еще до этого нужно было снять отпечатки пальцев (мне). Мы знали, что это можно сделать на месте. И действительно, в том же зале, сбоку, орудовала какая-то частная вьетнамская фирма (все сотрудники – вьетнамцы). Место у фирмы бойкое, за день они снимают отпечатки у нескольких сотен человек. Мажут вам все пальцы какой-то черной гадостью. Вначале на одной руке, потом на другой. И ладони – тоже отпечатывают. Отпечатки – на специальном бланке, который сдается вместе с другими документами. Потом вы долго моете руки. Стоит это 10 долларов (не мытье, конечно, а вся процедура).

В Америке отпечатки пальцев берут у всех, подозреваемых в совершении преступлений, и всех тех, кто обращается за разрешением здесь жить. В ФБР создается всеамериканская база данных отпечатков пальцев – их там умеют классифицировать и, вроде бы, быстро распознавать на компьютере. Вместе с отпечатками, видимо, хранятся и все сведения об этом человеке – иначе зачем бы их было собирать. У «нормальных» американцев отпечатки пальцев не берут, хотя, может быть, ФБР мечтало бы и об этом. Я же просто хочу подчеркнуть предполагаемую связь, явно существующую в головах клерков INS: потенциальные иммигранты – потенциальные преступники.

Отпечатки можно снять и в других местах, или в полиции (в некоторых отделениях), или у специально уполномоченных фирм, типа этой, вьетнамской. Но хоть эта фирма и была специально уполномоченной, месяца через два нам пришло письмо из ФБР, из этого «отпечаточного» отдела: отпечатки сняты плохо, надо снять их снова и послать туда уже самим. И мы поехали уже в полицию, где снова на таком же бланке и то же за 10 долларов у меня второй раз сняли эти отпечатки. Причем полицейский сказал, что и у него это не всегда получается – иногда и ему возвращают.

Но вернусь к нашему первому визиту в INS. Загорелся наш номер, и мы подошли к указанному окошечку. Наша клеркша тщательно просмотрела все наши документы. Все было в порядке, это уже достижение. Явно не все сдают документы с первого раза. Но приняв документы, она нас огорошила – назначила интервью на 24 октября.

Заложник

Нас как палкой по голове ударили – это разрушало все наши планы. Мы-то думали, что интервью будет месяца через два-три. Моя виза кончалась 21 июля, и на этот же день были заказаны билеты в Москву. На работе я числился в отпуске, и мое отсутствие было улажено ровно до 21 июля. А в августе мы собирались с Кибриком в лингвистическую экспедицию в Дагестан.

А теперь, по правилам INS, до 24 октября я не имел права выезжать из США. Почему-то возможность такой задержки не приходила нам в голову. Я опять раздражился на INS – почему такие правила? Почему я должен до интервью торчать в Америке, как заложник? И почему так долго?

Но последнее как-то объяснялось. Прошлой осенью были внесены изменения в законы об иммиграции, ужесточавшие требования и как-то менявшие права иммигрантов и людей, легально живущих в Америке без green card. И масса людей бросилась в INS оформлять green card или гражданство. К тому же сами процедуры

были усложнены и требовали от чиновников больше времени. Образовался затор. И сроки увеличились.

Мы погоревали. Я стал звонить в Москву и улаживать свое отсутствие у себя в институте. И мы остались в Америке.

Вначале октября мы звонили в INS – смогу ли я сразу после интервью, в случае его благоприятного исхода, сразу же уехать. Мы знали, что саму эту карту сразу не дают, а ставят в паспорт штамп. Нам ответили, что если отпечатки пальцев к этому времени обработают (внесут в базу данных), то этот штамп поставят сразу и можно будет уехать. Мы заказали мне билет на 29 октября (Барбара уже не могла со мной ехать, у нее шел рабочий семестр).

А буквально на следующий день нам пришло письмо из INS: “... due to schedule conflict” ваше интервью переносится на 19 февраля... Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Когда пришло это письмо, меня не было дома. Барбара, увидев его, совсем запаниковала. Мне надо было возвращаться в Москву, чтобы меня не уволили с работы. А сама она должна была в весеннем семестре читать лекции в РГГУ. И что же – она уедет, а я здесь до февраля застряну?

Но она позвонила тому же Фреду Шультену, и он ее утешил. Оказывается, INS выпустило циркуляр, что теперь можно было сравнительно легко получить разрешение – не на выезд, конечно, выехать из Америки всегда можно, никто не держит – а на обратный въезд сюда, до интервью. И это правило существовало уже больше года, но почему-то нам об этом не сказали. И, видимо, не только нам, не даром только что этот циркуляр направили во все региональные отделения.

Но хотя процедуру такого разрешения и упростили, все равно надо было писать заявление «по всей форме», мотивируя – зачем это тебе нужно уезжать. Мы написали это заявление, поехали в Бостон, в INS, отстояли (вернее, отсидели) часовую очередь. Клеркша с минуту рассматривала наше заявление, не вникая особенно в указанное обоснование отъезда. И, с некоторой важностью, сказала – «я разрешаю» – как бы все-таки подарок нам сделала, не просто – какие, мол, проблемы...

Потом мы провели еще часа три в ожидании самой бумаги (она называется Authorization for parole of an alien into the United States), разрешающей мне этот въезд в Америку. Мне дали даже два экземпляра такой бумаги, так как на всякий случай мы просили право на многократный въезд. Потом оказалось, что на каждый въезд нужно две бумаги – одну еще в Москве, для посадки в самолет, и другую – для чиновников INS при самом въезде.

И таким образом я 29 октября уехал. А Барбара прилетела в Москву 2 января. Этот семестр в Москве – до конца августа.

А сейчас мы летим на это самое интервью, надеемся, что все будет в порядке. И на следующий день (после интервью) мы сможем улететь.

Самолет наш опоздал в Нью-Йорк часа на три с лишним. В результате мы, естественно, опоздали на самолет в Бостон, а очередной самолет туда почему-то задержался. В Бостон мы попали за двадцать минут до полуночи, схватили такси – на автобусную станцию, на последний автобус в Амхерст. Даже успели – чудом –

ко времени, но оказалось, что автобус отменили. Пришлось возвращаться с автобусной станции в аэропорт (на такси, конечно) и брать там машину напрокат. И Барбара села за руль этой машины. Меня за руль сажать было опасно – все-таки я не слишком классный водитель, за это время в Москве подзабыл свои и так не очень твердые навыки, а в состоянии жуткой усталости нужен прочный запас автоматизмов. Было это, наверное, в час ночи по местному времени – а встали мы в 5 утра по московскому. В общем, спать мы легли после 30 с лишним часов неспанья.

Через месяц после этого полета «Дельта» прислала нам (в Москву) письма с извинениями за это опоздание и с небольшой компенсацией – специальным чеком на 150 долларов (каждому) за это опоздание.

Из Амхерста мы почти сразу уехали к родителям Барбары, но это уже другая история. А 19 февраля явился в Бостон на это интервью.

Интервью

«Подготовка». «Вам надо посмотреть фильм "Green card"» – об этом говорили нам все наши знакомые. Мы так и не посмотрели эту комедию. По рассказам там герой, чтобы получить эту самую карту, вступает в фиктивный брак, а бдительные клерки из INS задают ему на интервью каверзные и смешные вопросы: каким кремом мажется ваша жена, какой шампунь употребляет и на каком боку спит. А потом ее отдельно спрашивают – чтобы вывести их на чистую воду.

Оказывается, что по статистике половина людей, подающих на green card на основании, так сказать, «женатости», на самом деле женятся фиктивно, чтобы эту карту получить. И в INS, зная эту статистику, действительно на интервью стараются выяснить – настоящая это семья или жульничество.

Барбара, почему-то, чуть-чуть нервничала – ей было неприятно, что будут задавать какие-нибудь неприятные вопросы. Она даже с тем же Фредом Шультенем советовалась. Но тот ей сказал – ну вы то что волнуетесь, неужели про вас кто-нибудь может подумать, что вы за деньги или еще по какой-то причине фиктивно замуж выходите... Это ее немного успокоило. Но все же не вполне.² Мы понимали, что все равно интервью строится по принятой схеме и какие-то «проверочные» вопросы они будут задавать.

Я почему-то в этом смысле был спокоен. Ну куда они денутся. Ведь мы в самом деле женаты. Ну пусть задают свои дурацкие вопросы.

Само интервью. Мы приехали в INS минут за 10 до назначенного срока – 9.30 утра (вставать пришлось часов в 5 – до Бостона больше двух часов на машине, а утром бывает и больше, пробки, машину еще нужно в гараж пристроить).

Другая комната, не там, где раньше, чуть поменьше. В ней тоже несколько рядов стульев, и человек 10-15 ждут своей очереди. В центре сидит секретарша, показываем ей наши бумаги. Говорит – подождите.

И уже минут через пять нас вызывают.

Клеркша, женщина лет 35. Достает наше дело. Просит наши паспорта и еще какие-то бумаги: карточки с social security numbers, свидетельство о браке,

² Барбара говорит, что она, в основном, нервничала из-за меня. Она чувствовала мое раздражение и боялась, что я могу это мое раздражение проявить на интервью.

свидетельства о рождении. Еще просит какую-то бумагу, по которой я прибыл в прошлом январе. А мы не можем найти ее, забыли уже, где она, и что она нужна. Клеркша нас несколько успокаивает – говорит Барбаре, чтобы она ее спокойно искала, а сама начинает задавать мне вопросы, начинает собственно интервью.

– Когда и где вы познакомились? Отвечаю – в Венгрии, почти тридцать лет назад. Удивляется, спрашивает, где и когда после встретились.

Потом очень удивляется, что получив этот самый Parole, я сразу же уехал и меня четыре месяца не было в Америке. Спрашивает – почему уезжал так надолго. И вообще, почти с раздражением – понимаю ли я, на что я собственно подавал заявление (to what you apply), в чем состоит резидентство? Тут уже я ее не очень понимаю и говорю что-то – мол я готов соблюдать законы, платить налоги и т.д. А она мне объясняет – резидентство, это значит постоянно *жить* в Америке. Я вообще не могу уезжать отсюда больше, чем на полгода, если уеду, могут лишить резидентства. Разве если уж что-то чрезвычайное, то по специальному разрешению. А если уеду больше, чем на год, то меня этой самой карты автоматически лишат.

Про полгода ни я, ни Барбара не слышали. В нашей книжке было написано – год. И искренне удивляемся. Она объясняет, это новое правило, осенью ввели, когда новые законы приняли. И почему-то успокаивается, когда мы ей сообщаем, что завтра снова уезжаем в Москву. Успокаивается, потому что говорим, что Барбара там сейчас работает, читает лекции. Это укладывается в ее логику. Раз Барбара, американка, там, в России, то я, как ее муж, имею право следовать за ней.

После этого она переходит к «проверочным» вопросам. Я думаю, что она хоть немного изучала наше дело заранее, и, скорее всего, по нашим данным и нашему виду считала, что у нас все в порядке, не фиктивно мы женаты. Но вопросы полагается задавать. И она начинает:

– Какой у вас номер телефона? (Имеется в виду, конечно, американский номер телефона, ведь я как бы там живу, там резидентом хочу стать.)

А я отвечаю – не помню, он у меня в книжке записан.

Она чуть не подпрыгнула – как, вы не помните свой номер телефона?

Я еще накануне думал, что могут это спросить. Но решил, что я, собственно, буду для них стараться... Действительно, в моей склеротической памяти больше 4-х – 5-ти телефонов не держится, даже московских. А в Амхерсте, если я и звонил по этому телефону, то не больше, чем пару раз. Себе домой не часто звонишь, особенно если сидишь, в основном, дома. Ну из Москвы я звонил Барбаре туда раз десять. Но из Москвы – там еще дополнительно надо кучу цифр набирать, тут уж я заранее выписываю всю эту цифирь и механически набираю. И она совсем не запоминается. Вот адрес, конечно, помню – все-таки его на письмах каждый раз пишешь, прямой или обратный.

Конечно, если напрячься, минут через пять можно и телефон вспомнить. Но надо напрягаться и можно ошибиться.

Но она-то этого не может понять, хоть я и говорю про свой склероз. Вроде не подозревала нас, а тут такое. Но опять же, я почему-то не нервничаю и не

оправдываюсь, что-то непонятное для нее. И она задает другой вопрос – а какой телефон у вашей жены на работе?

– А он на кухне на стенке записан. (Он действительно там записан, Барбара мне специально бумажку прикрепила).

– Как, вы не звоните вашей жене на работу?

– Звоню, говорю. Номер на стенке в кухне записан, где телефон стоит, у меня память плохая на цифры.

Тут Барбара не выдержала и подвывает – в самом деле у него память плохая.

Клеркша совсем, видимо, выбита из колеи и начинает задавать смешные вопросы.

– А где работает ваша жена? Отвечаю. Кем? Говорю, переспрашивая Барбару, профессор она лингвистики или лингвистики и философии.

– А сколько у нее детей? И тут спокойно отвечаю, как и на следующий вопрос – как их зовут.

– А как зовут вашу маму? Этого вопроса я уже не понимаю, т.е. его глубинного смысла. Что ли, не последний ли я идиот? Или не какой-нибудь совсем уж мошенник, с поддельными документами. Но спокойно отвечаю. И на следующий вопрос, то ли где и когда мама родилась, то ли даже про себя – где и когда...

– А где вы поженились? Говорю. А кто вас женил? Говорю – Justice of the Peace³.

Почему-то удивляется. – У вас дома? – Нет, у нее дома. А кто был при этом? Говорю, сыновья Барбары, один с женой, другой с невестой. Сам встречный вопрос задаю – фотографии показать?

Дело в том, что эта книжка по green card предупреждала – вы должны принести на интервью доказательства, что вы не фиктивно женаты – фотографии, свадебные и прочие, до и после. Письма, документы о совместной собственности, еще что-нибудь...

Она мне отвечает – после покажете. Видимо, все-таки уверилась, что мы не фиктивные...

И переходит к другим вопросам. Не занимался ли я терроризмом, проституцией, наркоманией... Это стандартные вопросы, они во всех анкетах. И их задают не для того, чтобы проверить. Вряд ли террорист признается, что он террорист. Но если тебя потом поймут с чем-нибудь таким, с наркотиками, например, значит ты *соврал* на интервью, а это повод тебя немедленно вытурить...

Честно отвечаю – не террорист, не наркоман, не проститутка...

– В каких clubs вы состояли? Не сразу понимаю. Какого рода clubs?

– Any clubs...

Понял. Это про партию. Говорю, в профсоюзе, пионером был, комсомольцем. А в партии, говорю, не был.

Все равно переспрашивает. – А в коммунистической партии? Отрицаю.

³ "Мировой судья" – должностное лицо, которое может выполнять некоторые процедуры в данном графстве, в частности, женить.

– А в армии? Тут я говорю, что это не простой вопрос. В институте военная подготовка, выпускают офицером запаса. Но нормально не служил...

Но ей нужен четкий ответ, служил или нет. Говорю, присягу принимал, но реально не служил.

Вроде бы, это все вопросы. Нет, вспоминаю, что еще где-то в середине она что-то спрашивала про деньги. Я ей сказал про грант, при этом еще не заметил, что перепутал глагольные времена. Получалось, что и сейчас у меня грант. Но Барбара встряла и сказала мне, что надо прошедшее время употребить, *был* грант.

Да, в той же серии вопросов про терроризм и проституцию был вопрос, не буду ли я претендовать на какие-нибудь деньги американского правительства – welfare или что-нибудь в этом роде. Ответил, что нет, и этот ответ она тоже фиксирует, чтобы после не вздумал просить...

Потом она вдруг вышла – минут на десять, а то и больше. Мы с Барбарой обсуждали, не подслушивают ли нас в это время. Кстати, в официальной бумаге вас предупреждают, что интервью может записываться на видеопленку. И в кабинете висит телекамера. Но объектив был закрыт.

Возвращается. Просит показать свадебные фотографии. Смотрит их совсем недолго. И дает мне мой паспорт. В нем штамп – номер (видимо мой личный номер в базе данных INS) и надпись:

PROCESSED FOR I-65
TEMPORARY EVIDENCE OF
LAWFUL ADMISSION FOR
PERMANENT RESIDENCE
VALID UNTIL Feb 18 1999
EMPLOYMENT AUTHORIZATION
CR6 BOS 2/19/1998

Вот я не помню уже, пришла ли она с моим уже проштампованным паспортом и после попросила свадебные фотографии показать, или посмотрела и потом уже штамп поставила. Мне психологически интересно про нее, вернее, что и когда она про нас думала.

А этот штамп – временный заменитель green card, саму карту дадут в течение года (и на самом деле она вовсе не зеленая, а кажется розовая, это она когда-то, сто лет назад, была зеленая). А если ее не пришлют ближе к сроку (годовому), нужно к ним обратиться, не забыли ли обо мне.

Потом, через два года опять же нужно не забыть – подать заявление на постоянную карту. Потому что вначале дадут все равно временную, условную, на эти два года. Вдруг я все-таки женился, чтобы в Америку попасть. И за эти два года разойдусь. Тогда мне постоянную не дадут. А если я докажу, что действительно женился, чтобы жениться, и за два года не передумал, тогда и постоянную карту дадут. А если не обращусь, забуду, то выгонят и уже никогда не пустят.

Получил...

Собираем свои монетки и выходим. Никаких эмоций. Разве что радуемся, что рано все кончилось, еще утро. У нас масса дел. Ну, конечно, хорошо, что все уже кончилось. Столько хлопот было.

Но потом знакомые, несколько человек, которые были в курсе, поздравляли меня с этим достижением. И меня это слегка раздражало – с чем, собственно, поздравлять. Почему я должен радоваться, благодарить и кланяться. Мы же женаты. И по всем нормальным человеческим представлениям должны иметь право жить здесь и там, ездить, работать. А то, что нам дали – все равно в чем-то паллиатив. Вот мы завтра улетаем и хотели бы вернуться в самом конце августа. 20 августа я хочу быть в Москве. Лидин день рождения. А это уже больше полугода. Значит надо будет когда-то в промежутке приезжать. Тратить время и деньги.

Но, как говорит наш чешский друг Петр Сгалл – what can we do?

Можно сделать только одно – подумать, а что меня во всем этом раздражало? Прежде всего у меня, как и у многих советских людей, есть подсознательная пресуппозиция, что Америка – с точки зрения прав человека – действительно почти идеальная страна. Она и на самом деле очень неплохо с этой точки зрения устроена, но все же все реальное не идеально. Поэтому неполное соответствие идеалу раздражает. В данном случае, в основном, две вещи. Первое – это предпосылка, что мне оказывают великое благодеяние. А во вторых, что это благодеяние – не совсем то, чего хотелось бы.

Так в чем идеал? Вот в объединенной Европе принято Шенгенское соглашение. По нему граждане этих стран могут свободно жить и работать в любой из этих стран, и уж конечно – ездить безо всяких виз в пределах этой Европы. Так вот если люди из разных стран поженились, хорошо бы им давать такой аналог этих «шенгенских» прав – в этих двух странах, что-то вроде «двойного резидентства» или даже двойного гражданства, но безо всяких ограничений. Как-то это соответствует моим представлениям о естественных правах человека. О которых в Америке столько говорят. Естественно, что могут быть ограничения для уголовников, наркоманов и т.п. Но для нормальных людей должны быть нормальные порядки. И не надо считать это таким уж благодеянием.

Конечно, все это не просто, есть масса технических, экономических (налоги и т.п.) проблем, но все это как-то можно уладить. Все-таки действительно есть некоторые естественные права человека.

А что в России? Тут уж у меня нет пресуппозиции об идеалах. И как я уже писал, про это мы еще ничего не знаем. В чем-то тут может быть проще. По крайней мере, для Барбары, когда она в последний раз получала визу, чтобы читать лекции в РГГУ, не было препятствием то, что она замужем за российским гражданином. Но может ли она просто так приехать, по моему, а не университетскому приглашению, без временных ограничений? И возможен ли для нее здесь какой-нибудь специальный статус?

И не помешает ли мне жить *здесь* тот факт, что я *там* стал «резидентом»? Этого мы еще не знаем.

* * *

Я заканчивал этот текст в самолете 20 февраля, когда мы уже возвращались в Москву. На этот раз безо всяких опозданий и приключений. Но все равно очень усталые – опять вставать пришлось ни свет, ни заря. Да и вымотались за последние дни – разъезды, сборы. Так что кончить не успел, заснул. Дописал уже в другом самолете, 11 марта, когда летели в Прагу.